

2204

13 августа 1983 года

Из писательского блокнота

# На могиле Грина

И. Давыдов

**К**РАСНЫЕ пионерские галстуки полыхали на могиле Александра Грина. Их было очень много — они облепили каждую пикку железной ограды, повисли на нижних ветках раскидистого старого шелковника, прикрывшего скромное бетонное надгробье с небольшой мраморной плитой. Видно, крупный пионерский отряд побывал здесь — и не сосчитаешь сразу эти галстуки. Может, артековцев привозили?

Очень тихо на зеленом кладбище небольшого городка Старый Крым — древней, еще до Бахчисарая, столицы крымских ханов. Лишь вдаль, на гладком шоссе Симферополь — Феодосия, отделившем кладбище от городка, стремительно просвистывают машины. Да еще птицы поют в ветвях шелковников и черешен, посаженных между могильными холмиками. Далеко от крупных городов тихий, целебный для легочников Старый Крым. В маленьком местном музее Александра Грина работников — раз-два и обчелся. А экскурсии валом валят. Целыми вереницами выстраиваются у музейной ограды нетерпеливые экскурсионные автобусы со всех концов Крымского полуострова.

Когда-то страшно давно, в бездне столетий, был Старый Крым громадным и шумным невольничьим рынком, давшим свое имя всему полуострову. Здесь можно было купить связанных кавказцев, закованных в цепи славян, темнокожих жителей нильских верховий, изможденных дальней дорогой, запуганных, покорных и потому «всего лишь» привязанных к столбу веревкой — за ногу или за шею... Как скот... У таких мест долго держится дурная слава. И люди избегают их, потому что тяжело заглядывать в страницы истории, где один только мрак — и никакого просвета.

Но вот поселился в Старом Крыму больной Грин, прожил здесь последние свои месяцы — и страшная древняя слава этого места стала блекнуть постепенно перед светлой и чистой славой на редкость бескорыстного человека, всю жизнь воспевавшего свободу. Немногие знают теперь мрачную историю Старого Крыма, но многие стремятся сюда — взглянуть на последний дом Грина и поклониться его могиле.

Хоть и не поспевают всюду музейные работники — на могиле писателя пусто. Кто ни придет — всяк приберет тут. И листья опавшие смахнут, и отсохшие черные веточки, и темно-вишневые переспелые ягоды шелковника. И потом редкий, но неизменно долгий крымский дождь смывает их яркие следы с серого надгробья. Чисто оно, хоть и бедно. Как память о писателе чиста и хрустально прозрачна, никакими сделками не запятнана.

И почему-то думается возле этой тихой и скромной могилы о множестве родных сердцу, хоть порой и не увиденных еще могил, разбросанных по российской земле. И Тобольск вспоминается с богатыми и бедными могилами ссыльных декабристов высоко над широким, мутным Иртышом. Как неравно жили декабристы в сибирской ссылке — так неравно и похоронены... И тихие, задумчивые пензенские Тарханы всплывают в памяти — с темным склепом под сельским храмом, где лежит в цинковом гробу, в окружении родственников вечно молодой Лермонтов. И московское Новодевичье проплывает, и псковский Святогорск со святой могилой Пушкина, и три стройные переделкинские сосны, обступившие последний приют Пастернака. И здешняя же, старокрымская братская могила партизан, на которых фашисты-оккупанты охотились в глазах, как на диких зверей. И словно вспыхивают в глазах Вечные огни советских городов — от Возлекремлевского на могиле Неизвестного солдата до свердловского, что на площади борцов, павших за власть Советов.

Многое можно унести с собой в иные земли — родные могилы не унесешь! Они навсегда в родной земле.

Но безжалостно, хоть и тихо, стирает она со своего лица могилы чужеземцев, которые шли не с добром. Не найти на Старой Смоленской дороге ни одной из бесчисленных могил пестрого наполеоновского воинства — слизнуло время! Мальчишкой видел я только что отбитые у врага подмосковные поля, густо утыканные березовыми крестами, на которых ветер болтал ненавистные темно-серые каски. Мальчишки сбивали каски, валили кресты и часто подрывались на минах, заложенных между вражескими могилами. И могилы врага стреляли!.. До самых западных окраин страны тянулись от подмосковных дач такие «колючие» поля. Не найти теперь ни одного! Слизнуло время. И не потому, что чужеземцы — потому что не с добром шли.

Ведь вот высится над Волгой могила чужеземного, испанского мальчишки, родившегося в Гренаде и павшего под Сталинградом за правое дело. Давно уже стала она советской святыней и всегда будет чиста и светла, как чиста и светла в России память о Рубене Ибаррури, про которого и сегодня складываются прекрасные песни и привозятся на Волгу со всех концов страны. Не о таких ли благородных рыцарях, как Рубен, мечтал Александр Грин?..

Трепещут от ветра шелковые красные галстуки на могиле Грина. Красивый обычай у сегодняшних пионеров — оставлять на дорогах могилах галстуки, словно частицу своего сердца.

Дети многое делают стихийно. И, привязывая к могильным оградкам пылающие свои галстуки, еще не понимают, что того, кого помнят дети, — помнит все человечество.